

Главы | Свобода слуг и свобода граждан

Отрывок из книги знаменитого итальянского политического философа Маурицио Вироли «Свобода слуг»



первую главу из книги знаменитого итальянского политического философа, профессора Принстонского университета Маурицио Вироли «Свобода слуг». В книге выдвигается идея, что Италия — страна свободных политических институтов, стала страной сервильных придворных с Сильвио Берлускони в качестве своего государя. Отталкиваясь от классической республиканской концепции свободы, Вироли показывает, что народ может быть несвободным, даже если его не угнетают.

Италия — свободная страна, если быть свободным означает, что ни другие индивиды, ни государство не мешают нам действовать наилучшим, по нашему мнению, образом. Все, если у них есть к тому средства и способности, могут выбирать виды деятельности, которыми хотят заниматься, места, где жить, могут выражать свое мнение, создавать объединения, голосовать за того или иного кандидата, критиковать правительство, воспитывать детей так, как они находят нужным, исповедовать ту или иную религию или не исповедовать никакой.

Можно вполне обоснованно утверждать, что на самом деле многие итальянцы не могут осуществить цели, к которым стремятся; у них нет возможности жить в безопасности, пользоваться школьным образованием, достойным этого названия, адекватной медицинской помощью, приличным социальным обеспечением, не задумываясь о том, что доступ к общественным почестям и карьерам регулируется железной логикой личных связей и что обширные территории страны контролируются организованной преступностью. Но препятствия, мешающие многим людям добиться своих целей, вызваны плохим управлением, коррупцией или неравенством, а не ограничениями, навязываемыми силой, если речь не идет об организованной преступности или мафии. Если и позволительно говорить о нарушении свободы, то только когда душат фундаментальные гражданские и политические права, а так, мы, итальянцы, в целом свободный народ.

Идею о том, что страна, в которой граждане могут спокойно осуществлять и пользоваться политическими и гражданскими правами, — это свободная страна, поддерживают авторитетные философы. Бенжамен Констан, например, в речи «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей» различает свободу у древних, которая состоит в «коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятой в целом, в обсуждении в общественном месте вопросов войны и мира, заключении союзов с чужеземцами, голосовании законов, вынесении приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнародовании, а также осуждении или оправдании их действий», и свободу у современных людей, которая представляет собой «право каждого подчиняться одним только законам, не быть подвергнутым ни дурному обращению, ни аресту, ни заключению, ни смертной казни вследствие произвола одного или нескольких индивидов», право каждого «высказывать свое мнение, выбирать себе дело и заниматься им; распоряжаться своей собственностью, даже злоупотребляя ею; не испрашивать разрешения для своих передвижений и не отчитываться ни перед кем в мотивах своих поступков», право каждого «объединяться с другими индивидами либо для обсуждения своих интересов, либо для отправления культа, избранного им и его единомышленниками, либо просто для того, чтобы заполнить свои дни и часы соответственно своим наклонностям и фантазиям», наконец, право каждого «влиять на осуществление правления либо путем назначения всех или некоторых чиновников, либо посредством представительства, петиций, запросов, которые власть в той или иной мере принуждена учитывать».

Почти через сто лет после Бенжамена Констана философ Исая Берлин в работе «Два понимания свободы» (1958) объясняет, что настоящая свобода — негативная свобода, состоящая в том, что ни один человек, ни группа людей не вмешиваются в то, что я делаю, и что она совпадает с пространством, в котором «я могу без помех предаваться своим занятиям». Существует также и другое понимание свободы как позитивной свободы, которая проистекает из желания быть хозяином самому себе, участвовать в формировании законов и норм, управляющих нашей жизнью. Каким бы законным ни было это желание, предостерегает нас Берлин, идеал позитивной свободы в истории был личиной тирании. Истинная свобода, таким образом, — это негативная свобода.

В более близкое к нам время Фернандо Саватер следующим образом резюмировал самый общий смысл, в котором слово «свобода» чаще всего употребляется в разговорах и политических дискуссиях: «(Слово “свобода”. — М. В.) отсылает к ситуациям, в которых нет физических, психологических или юридических помех для того, чтобы действовать по своей воле. В таком определении свободен (передвигаться, приходиться

и уходить) тот, кто не связан или не помещен под стражу, кто не стал жертвой любого рода обездвиженности, свободен (говорить или молчать, лгать или говорить правду) тот, кто не подвергается угрозам, пыткам или воздействию наркотических веществ; и свободен (участвовать в общественной жизни, претендовать на политические должности) тот, кто не маргинализирован, не исключен силой дискриминирующих законов, кто не страдает от жестоких крайностей нищеты и невежества и т.д.».

Проблема в том, что свобода, понимаемая как отсутствие помех, не является — сама по себе — свободой граждан, но может быть свободой слуг и подданных. Лучше всего это сформулировал политический философ, который первым это описал, — Томас Гоббс в главе XXI «Левиафана» (1651): «свобода означает отсутствие сопротивления», и, следовательно, «свободный человек — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать». Во избежание всяких сомнений Гоббс далее говорит нам, что такая свобода «совмещается с неограниченной властью суверена». Это замечание, впрочем, позднее повторяет и Исая Берлин, когда отмечает, что свобода, понимаемая как отсутствие помех, может также быть свободой слуг или подданных, данной им абсолютным правителем.

Если хозяева или правители добры или слабы, или глупы, или не питают интереса к подавлению, слуги или подданные могут пользоваться свободой делать более или менее то, что им хочется. В классических комедиях можно найти множество примеров счастливых рабов или слуг, потому что им никто не мешает или не принуждает их. Раб Транион из «Привидения» Плавта в состоянии удовлетворить любой свой каприз, в чем его упрекает Грумион, не такой удачливый деревенский раб:

Покамест любо и возможно, пей, да трать
Добро, да сына развращай хозяйского,
Прекраснейшего юношу! И день и ночь
Распутничайте, бражничайте, пьянствуйте,
Подружек покупайте, отпускайте их
На волю, параситам доставляйте корм,
Расходуйтесь на лакомства роскошные!
Не это ли хозяин поручил тебе,
Когда в чужие страны уезжал от нас?
Такой-то он порядок у тебя найдет?
Ты так-то понимаешь долг хорошего
Раба — добро хозяйское растрачивать
И сына развращать ему?

У него действительно завидное положение. «Так чего ж тебе», — жалуется бедный Грумион:

Не всем же пахнуть мазями привозными,
Как ты пропах, да выше сесть хозяина,
Да наедаться блюдами отборными,
Как ты! Тебе — пусть рыба, дичь и горлинки,
А мне оставь мою приправу, лук, чеснок.
Ты счастлив, я несчастен — делать нечего.
Мое добро со мною, зло твое с тобой.

Транион прекрасно осознает свое везение и услужение ему ничуть не в тягость:

Я вижу, Грумион, ты мне завидуешь.
Мне хорошо, тебе же плохо. Так оно
И надо: мне — любить, тебе — быков пасти,
Мне сладкой жизнью жить, тебе — убогою.

Труффальдино, если взять пример из Нового времени, служит аж двум господам и делает что хочет: ест, пьет и набивает карман. Жалуется на свое положение, когда считает, что хозяева не добры к нему: «Раз нас учат, что надо господам служить хозяевам с любовью, нужно и хозяевам внушать, чтоб они имели скольконибудь жалости к слугам». Случается ему и тумачков получить, но это не такая большая беда с учетом выгоды: «Тяжеленько было прийти в себя после взбучки; зато поел я в свое удовольствие: пообедал хорошо, а вечером еще лучше поужинаю. Пока возможно буду служить двум хозяевам, до тех пор, по крайней мере, пока не получу оба жалованья». Служить двум господам — не самое честное занятие, но в конечном счете простительное: «Да, синьор. Я это сделал, и номер прошел. Попал я в такое положение нечаянно, а потом захотелось попробовать, что из этого выйдет. Правда, продержался я недолго, но зато могу похвастать, что никто меня не накрыл, пока я сам не признался из-за любви к этой девушке. Туго мне пришлось, и кое в чем я проштрафился. Но надеюсь, что ради такого необычного случая все вы, господа, простите меня».

Свобода граждан, или республиканская свобода, — это нечто иное. Она состоит не в том, чтобы вам не мешали или не угнетали, а в том, что над вами нет господина, или в том, что вы не являетесь объектом неограниченной или огромной власти другого человека или группы людей. Под неограниченной властью я понимаю власть того, кто может навязывать свою волю, как ему вздумается, не будучи ограничен другими видами власти. Огромная власть — это власть, значительно превосходящая власть других граждан, настолько сильная, что может избегать санкций закона или обходиться с ним, как ей захочется. Согласно существующему определению, нашу свободу могут подавить только действия других людей; согласно республиканской концепции, свобода гражданина умирает просто в силу существования неограниченной или

огромной власти. Даже если неограниченная или огромная власть утвердилась законным образом и действует в интересах подданных, само ее существование делает из граждан слуг.

Хотя я уже касался этой темы, полезно уточнить концепцию зависимости и разницу между зависимостью и вмешательством. Для этого я обращусь к некоторым примерам: тиран или олигархия, которые могут угнетать, не боясь столкнуться с санкциями, предусмотренными законом; жена, с которой муж может плохо обращаться, но которая не может ни оказать сопротивление, ни получить компенсацию; работники, которые могут подвергаться всевозможным злоупотреблениям, мелким и крупным, со стороны работодателя или начальника; пенсионеры, которым приходится зависеть от каприза чиновника, чтобы получить пенсию, положенную по закону; больные, которым приходится надеяться на то, что врач их вылечит по доброй воле; молодые ученые, знающие, что их карьера зависит не от качества их работы, а от каприза профессора; граждане, которых полиция по своему усмотрению может бросить в тюрьму.

Во всех приведенных мною случаях нет никакого вмешательства: я говорил не о тиране или олигархии, которые притесняют, но о тех, кто может угнетать, если захочет; я не говорю, что муж бьет жену, но что он может ее избить, не страшась наказания, и то же самое относится к работодателю, врачу, профессору, чиновнику, полицейскому, которых я упомянул. Никто из них не мешает другим людям стремиться к целям, которые те наметили, никто не вмешивается в жизнь этих людей. Подданные, жена, работники, пожилые люди, пенсионеры, молодежь совершенно свободны, если под свободой понимать отсутствие ограничений или помех. Но в то же самое время они находятся в положении зависимости, следовательно, являются слугами, если рассуждать с точки зрения принципа свободы граждан.

Добавлю, что концепция свободы как отсутствия зависимости от неограниченной или огромной власти основывается не на суждениях о намерениях, а на реалистической констатации. То, какие намерения были у того, кто обладает неограниченной или огромной властью, благие или нет, не имеет отношения к делу. Проблема в том, что тот, у кого есть неограниченная или огромная власть, легко может навязать свой интерес, и в том, что такая власть порождает у подчиняющегося ей рабский менталитет вместе с подхалимажем, злословием, неспособностью ясно рассуждать, отождествлением со словами и поведением господина, презрением к людям большой души, цинизмом, равнодушием, притворством, наглостью в отношении более слабых людей и противников, бедностью внутренней жизни, погоней за внешним. Такой образ мысли и образ жизни несовместимы со свободой, потому что она требует, чтобы граждане не имели расположения ни к покорному служению, ни к высокомерному господству.

Идея, что быть свободным означает не быть подчиненным неограниченной или огромной власти, поддерживалась многими авторитетными политическими авторами, древними и современными. Цицерон, уточнив, что истинная свобода существует «в таком государстве, где власть народа наибольшая» и где «она равна для всех», кратко передает суть концепции: «(Свобода. — М. В.) состоит не в том, чтобы иметь справедливого владыку, а в том, чтобы не иметь никакого». Эту концепцию подхватили и развили итальянские юристы и политические философы эпохи Гуманизма. С небольшими вариациями они настаивают на том, что основной элемент политической свободы — независимость от неограниченной власти одного человека. Поэтому признак свободного города — его способность самостоятельно давать себе законы и установления. В свою очередь, поработанным считается город, который получает законы и установления от Императора или должен просить у него одобрения. Источник, который цитируют юристы, интерпретируя политическую свободу как отсутствие личной зависимости, — Римское право, особенно те его места, где свободный человек определяется как человек, не подчиненный господству (*dominium*) другого человека. Противоположность свободного состояния — состояние индивида, который зависит от воли другого человека. На переломе той же самой традиции Макиавелли объясняет концепцию свободы гражданина с такой ясностью, которая делает излишними любые комментарии: «свободные» люди — это «неподчиненные никому» люди, при этом статус гражданина противопоставляется статусу раба: «рождаются свободными и не рабами».

Эта концепция свободы получила распространение как у либеральных, так и у республиканских политических теоретиков. Достаточно двух примеров: Джон Локк и Жан-Жак Руссо. Первый утверждает, что истинная свобода индивида — свобода «человека располагать и распоряжаться как ему угодно своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле». Второй пишет: «Свободный повинует, но не служит; имеет вождей, но не имеет хозяев; подчиняется законам, но только законам, и именно благодаря законам не становится рабом». Если мы обратимся к источникам политической республиканской и либеральной мысли, современным и древним, ответ на вопрос: «Что такое "свобода гражданина"?» будет одним и тем же: быть свободными означает не столько не сталкиваться с какими-либо помехами или угнетением, сколько не зависеть ни от одного человека, ни от группы людей, которые имели бы над нами неограниченную или огромную власть. Нехватка свободы, таким образом, — это не только следствие действий, которым мы подвергаемся против своей воли, она может быть просто положением. Говоря совсем кратко: если мы подчинены неограниченной или огромной власти одного человека, мы можем быть более или менее свободны делать то, что нам хочется, но при этом мы — слуги.

Прежде чем оставить историю и обратиться к нашим дням, необходимо вспомнить о двух других фундаментальных аспектах свободы гражданина и в первую очередь о связи между свободой и законом. Согласно преобладающей в наше время идее, свобода тем больше, чем меньше число и сила законов, которые ограничивали бы нашу возможность действовать. В этом случае тоже можно процитировать

политического мыслителя, который больше всего ненавидел свободу гражданина, Томаса Гоббса. Так, он объясняет, что законы как «искусственные цепи», которые одним концом прикреплены к устам властителя, а другим — к ушам подданных и связывают их по рукам и ногам. Если оставить метафоры: законы связывают, мешают, препятствуют и, следовательно, «свобода подданного» состоит, строго говоря, в таких поступках, которые властитель забыл урегулировать при помощи гражданских законов. Чем меньше круг действий, попадающих в регистр законов, тем больше свободы у подданных.

Свобода граждан, в свою очередь, — это не свобода от законов, но свобода благодаря или в силу законов. Поскольку, чтобы свобода была настоящей, все должны подчиняться законам или, согласно классическому завету, законы должны быть сильнее людей. Если же в государстве есть человек, который сильнее законов, в таком государстве не существует свободы граждан. Во Флоренции в XV в., не прибегая к открытому и систематическому применению насилия, Медичи сумели создать для себя огромную власть, такую, что они могли нарушать законы и управлять ими, тем самым заставляя город себе служить. Поэтому мы читаем в «Хрониках» Филиппо Ринунччини, одного из их противников, что республика, желающая «жить вольно», не должна допускать, чтобы гражданин «мог больше, чем закон». О Пьеро де Медичи, сыне Козимо Старого, Филиппо ди Чино Ринунччини писал: «Ибо ясно видно, что он проявил себя в нашем городе как тиран; что подобное происходит там, где позволяют одним сильно возвыситься над другими, что это опаснейшая вещь в республиках и что так всегда бывает». Макиавелли вторит ему в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»: «...нельзя назвать свободным город, где власти боятся одного из граждан».

Контраст между свободой подданных (свободой от законов) и свободой граждан (свободой в силу законов) становится хорошо понятен, если мы прочтем один сочный пассаж из «Левиафана», в котором Гоббс хочет нас убедить, что на самом деле нет никакой разницы между двумя свободами и что свободен и гражданин республики, в которой царит верховенство закона, и подданный самого абсолютного из владык: «На башнях города Лука начертано в наши дни большими буквами слово LIBERTAS, однако никто не может отсюда заключить, что человек здесь в большей степени свободен или же избавлен от службы государству, чем в Константинополе. Свобода одинакова как в монархическом, так и в демократическом государстве». Гоббс не понимает или делает вид, что не понимает, что в республике (не коррумпированной) те, кто правят, и те, кем правят, подчиняются гражданским и конституционным законам, тогда как в Константинополе султан стоит над законом и может по собственному произволу распоряжаться имуществом и жизнями подданных, вынуждая их жить в состоянии зависимости и, следовательно, при отсутствии свободы. Вопреки диалектическим усилиям Гоббса, свобода граждан и свобода подданных и слуг оказываются глубоко различными.

То, что свобода граждан и свобода подданных внушают несовместимые друг с другом образы жизни и мысли, хорошо видно на примере отношений между свободой и доблестью (*virtú*). Сегодня принято считать, что свобода есть благо, которым мы обладаем и наслаждаемся в свое удовольствие. Мы не должны того, чтобы быть свободными. Свобода гражданина, в свою очередь, не благо, которым мы обладаем и наслаждаемся, каким бы ни был наш образ жизни, но награда, которую мы получаем, если поступаем хорошо или если исполняем наши гражданские обязанности. Причину, по которой свобода не благо, которым обладают и пользуются, а награда за исполнение обязанностей, понять легко, нужно лишь взглянуть на реальность фактов. В любом народе и в любое время (в одном месте в большей степени, в другом — в меньшей) есть люди, которые любят властвовать, подниматься все выше, быть всегда в центре. Чтобы достичь своей цели, они разными способами сосредоточивают в своих руках различные виды власти. Если мы хотим помешать тому, чтобы город попал под власть одного человека, необходимо, чтобы граждане, по крайней мере самые мудрые из них, заметили эту опасность прежде, чем станет слишком поздно, и смогли найти наилучший способ защитить общественное благо. Они, кроме того, должны продемонстрировать доблесть (если воспользоваться древним, но всегда уместным словом), в особенности отвагу. Если из-за глупости или из-за трусости они не смогут воспротивиться власти имущим, которые стремятся к господству, они потеряют свободу. Для подданного или слуги быть свободным означает всего лишь обладать свободой и пользоваться ею без помех и препятствий; для граждан — это награда за поступки в соответствии с принципами доблести.